

УДК 171 + 111
DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-95-103
EDN: MYESDL

А. М. КАРДАШ

Институт философии
Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск, Беларусь

ОБНОВЛЕНИЕ И МЕРЕОРГАНИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

В статье проясняется свойство мереорганической преемственности, а также демонстрируется его применимость не только в вопросе о выживании и тождестве личности, но и в вопросе демаркации реконструкции и реставрации. Автор также отвечает на реплики и критику Романа Кочнева и Константина Морозова, связанные с публикацией его прошлой статьи.

Ключевые слова: мереорганическая преемственность, искусство, реставрация, тождество объектов, онтология обновления, тождество личности, выживание.

Реальность выдумки. В небольшом эссе под названием «Выдумка» Роберт Нозик приводит рассуждения персонажа «Роберта Нозика» о том, каким образом он существует и в каких отношениях находится с автором произведения [1]. Статья завершается репликой автора, который указывает, что мы будем воспринимать основной текст либо как философское эссе (нон-фикшн), либо как художественный (фикшн) в зависимости от того, отождествит ли он (автор) себя с персонажем или нет. Нозик делает акцент на постановке необычного скептического сценария о том, а решил ли возможный автор нашего мира, описал ли он реальность или только выдумку?

Но на основании чего можно считать, что автор имеет полную власть над тем, принадлежит ли написанное ему или только персонажу, который им придуман? Основанием может послужить определенное представление автора о собственной личности. Если он сторонник психологического понимания личности, то в известной мере он выбирает, отражает ли он в описании персонажа свои психические состояния или нет. Если же автор сторонник нарративного подхода к личности, то он ещё более произвольно выбирает, является ли этот персонаж частью его личной истории или отдельной историей.

Но что, если представить персонажа «Роберта Нозика» радикально отделенным от автора Роберта Нозика несколько сложнее, чем думает последний? Хотя художественная жизнь персонажа всецело зависит от написанного рукой автора, было бы ошибкой считать, что акт письма находится в полном сознательном контроле пишущего. Я имею в виду, например, идиолект — характерные языковые осо-

бенности письма Нозика, выработанные им в ходе его вполне реальной жизни. Поскольку в «Выдумке» жизнь персонажа эксплицитно заявляется тем, что существует через письмо автора (хотя персонаж и допускает собственную «тайную жизнь» в ненаписанном), то тогда получается, что между персонажем и автором как минимум есть каузальная и вместе с тем лингвистическая связь. И если мы считаем, что идиолект Роберта Нозика — это часть (по-видимому, и контингентная, а не необходимая или достаточная) его личности, то этот же идиолект, выраженный в конкретном тексте, одновременно с этим является и выражением личности автора. Иначе говоря, получившийся текст включает в качестве своей части нечто, что является, было или производно от части того, что составляет личность автора в широком смысле слова. Схожим образом Моррис Мерло-Понти анализировал живопись Сезанна, показывая, что смысл его работ возникал в ходе их воплощения, характер которого, в свою очередь, определялся обстоятельствами жизни художника [2].

Означает ли это, что между автором и его произведением существует мереорганическая преемственность? Однако вряд ли на основании этого можно считать эти объекты тождественными, равно как и вообще несвязанными. Пользуясь иной метафорой Нозика, можно сказать, что его идиолект — это радиоактивно помеченные молекулы сока, вылитые в океан, коим является литературный мир персонажа «Нозика»; это очевидно связывает Нозика с «Нозиком», но необязательно делает первого владельцем (не)реальности второго [3, с. 233].

Украденные гаметы. Так или иначе, ответ на поставленный вопрос зависит от прояснения того,

что подразумевается под самим понятием, как и от рассмотрения возникшей рецепции и критики (читатель, заинтересованный исключительно в первом, но не во втором, полагаю, может смело перейти к третьему разделу этой статьи). Собственно, «мереограническая преемственность» — это словосочетание, которое я использовал в тексте «Телепорт и оригами», чтобы обозначить определенную цепочку или тип связей между частями одного объекта [4]. Конкретно в той статье я говорил о мереогранической преемственности между клетками «тела, в котором обновляются клетки», а поэтому оно «всегда содержит более старые клетки, которые присутствовали в этом теле тогда, когда в нем были ещё более старые клетки, и так далее до первых моментов развития человеческого организма» [4, с. 104].

Однако только клетками примеры такого отношения не исчерпываются, что в рамках той статьи можно увидеть на примере разбора случая с кораблем Тесея и характера употребления самого словосочетания¹.

За выходом «Телепорта и оригами» последовало обсуждение². Сначала в тексте «Телепорт и другие неприятности» Роман Кочнев предложил критический взгляд на изложенный в моем тексте подход к вопросу выживания в телепорте в целом, который включал не только апелляцию к мереогранической преемственности, но и критику дуалистической посылки в мысленном эксперименте Парфита, аргумент дотошного воспроизведения и рассуждение о мотивации «нерожденного» сохранять психологическое тождество с персоной, которая тождество с собой в некотором смысле навязывает [5]. Значение мереогранической преемственности критикуется посредством мысленного эксперимента о телепортации гамет. Так, условные Боб и Сэнди отправляют гаметы в парфитианский телепорт, который уничтожает объект в точке А и восстанавливает из биологического материала в точке Б, чтобы те были искусственно оплодотворены на Марсе. Аргумент строится следующим образом:

Р1. Если бы Боб и Сэнди завели ребенка на земле, то любой генетический тест показал бы, что его генетические родители — Боб и Сэнди.

Р2. Чтобы некто был чьим-то родителем в широком или обыденном смысле этого слова, необходимо, чтобы некто был чьим-то генетическим родителем³.

Р3. Парфитианская телепортация лишает земные гаметы мереогранической преемственности с марсианскими, которые тем не менее являются генетически тождественными первым.

Р3.5. Генетически тождественное = биологически тождественное.

Р4. Любой генетический тест покажет, что генетические родители марсианского ребенка — Боб и Сэнди.

С1. Боб и Сэнди — родители марсианского ребенка в том же самом смысле, в котором они были бы родителями возможного земного ребенка.

С2. Отношения мереогранической преемственности не влияют на то, выживает ли личность в парфитианском телепорте, поскольку и марсианский ребенок, рожденный из телепортированных гамет, и земной ребенок — это ребенок, родителями которого стоит считать Боба и Сэнди.

Далее Константин Морозов в статье «Украденные гаметы и мереограническая преемственность» предложил критику аргументов Кочнева, сделав акцент на отстаивании мереогранической преем-

ственности [6]. Разберемся с тем, как именно он это делает.

Морозов верно отмечает, что посылки аргумента о телепортации гамет опираются на понимание родительства в узком генетическом смысле (Р1; Р4), но вывод (С1) делается о родительстве в широком или обыденном смысле этого слова. В реконструкции выше это отождествление отражено в виде Р2.

Далее Морозов показывает необходимость не только генетического совпадения, но и каузальной связи между действиями родителей и возникновением ребенка. В обсуждаемых рамках фантастических сценариев он приводит альтернативный разворот мысленного эксперимента Кочнева, где злой ученый перехватывает гаметы Сэнди и некоего Патрика, чтобы создать ребенка, родителями которого по критериям Кочнева должны быть Сэнди и Патрик, которые не были знакомы и буквально ничего не делали, чтобы завести совместного ребенка. Иначе говоря, здесь опровергается и С1, и С2, поскольку «мереограническая преемственность гамет, произведённых организмом родителя, с гаметами, использованными в зачатии, является необходимым детектором такой каузальной связи, необходимой для родительства» [6]. Подчеркну, что генетическое родительство (и его сохранение по отношению к «ребенку из телепорта») в обсуждаемом мысленном эксперименте вводится просто по условию, а поэтому действительная ставка аргументации — это родительство в любом более широком смысле слова. В ином случае можно просто сослаться на то, что парфитианской телепортации не существует, а все актуальные примеры генетического родительства предполагают мереограническую преемственность детей по отношению к родителям.

Также Морозов предлагает две модификации своего сценария, чтобы подчеркнуть странность и неприемлемость концепции родительства, согласно которой люди становятся родителями, ничего для этого не предпринимая (причем настолько в сильном смысле недеяния, что они даже не оказываются в ситуации случайного зачатия). В первой модификации ученый уже ничего не похищает, но рекомбинирует последовательности ДНК, чтобы получить гаметы для зачатия ребенка. По совпадению полученный генетический материал соответствует тому, что есть у двух реальных людей (Юджина и Пенелопы), которые даже и не задумывались о зачатии ребенка через парфитианский телепорт, поскольку не были знакомы. По критериям Кочнева Юджин и Пенелопа являются родителями ребенка, созданного ученым, в том же смысле, в котором они являлись бы родителями ребенка, которого они могли бы завести, если бы познакомились и развили бы своё общение соответствующим образом. Удобная посылка о сохранении генетического родительства по отношению к «ребенку из телепорта» оборачивается крайне контринтуитивным следствием о том, что третье лицо при определенных обстоятельствах (пусть и фантастических) может легитимно принудить неизвестных мужчину и женщину быть родителями ребенка, в процессе зачатия и рождения которого они не принимали участия.

Во второй модификации Морозов предлагает сценарий, где даже нет третьего лица, поскольку случайное генетическое совпадение происходит в ходе естественной эволюции. Всё это ещё раз раскрывает важный аспект всей изложенной аргументации — биологическое совпадение, конечно, яв-

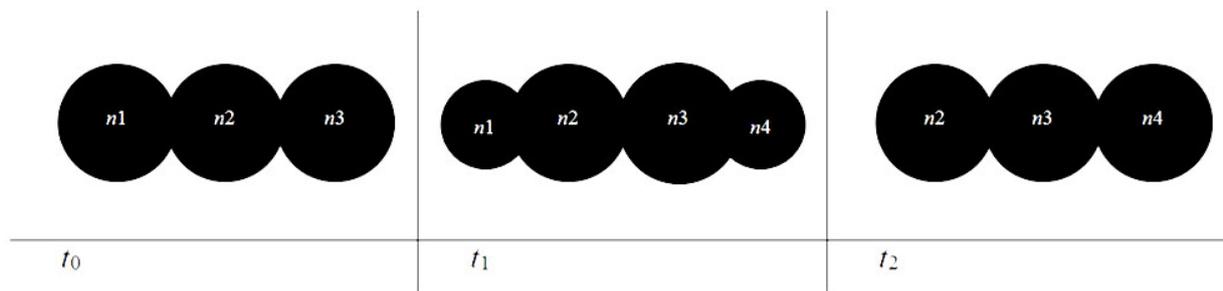

Рис. 1. Обновление частей в рамках единого целого

ляется важным критерием родительства, но только тогда, когда оно не является следствием космической случайности.

Отдельно замечу, что помимо **P2** у Кочнева также есть дополнительная скрытая посылка, обозначенная мной как **P3.5**, о том, что «генетически тождественное = биологически тождественное»⁴. Он пишет, что «между организмами [возможного земного ребенка и марсианского ребенка из телепорта] не будет никакого биологического различия» [5, с. 108]. Но разница в фенотипе — это также форма биологического различия. Гипотетическое тождество генотипов двух организмов не означает, что они будут тождественны фенотипически. Условно говоря, иные условия внешней среды на Марсе по сравнению с Землей могут обеспечить приобретение «ребенком из телепорта» иного фенотипа, что станет его биологическим отличием (сверх разницы в мереорганической преемственности) от своей возможной земной версии.

В тексте «Телепортация Парфита или работа над ошибками» Кочнев признает убедительность доводов Морозова, как и предлагает новую критику мереорганической преемственности [8]. На мой взгляд, в его второй статье окончательно стало заметным смещение в видении мереорганической преемственности, которую Кочнев связывает с «длющейся совокупностью каузальных связей между клетками тела» или «всеми причинно-следственными связями организма», тогда как я и Морозов, по-видимому, понимаем под ней не столь специфичное (в смысле связанное только с организмом и телом) отношение [5, с. 107; 6].

Наверное, самая главная разница оказывается в том, что Кочнев, по-видимому, считает, что я и Морозов воспринимаем мереорганическую преемственность как критерий или детектор выживания личности, тогда как, с нашей точки зрения, нарушение мереорганической преемственности — критерий или детектор не-выживания⁵.

Мереорганическая преемственность не является ответом на вопрос о том, почему личность выживает, поскольку она является вариантом ответа на вопрос о том, почему личность в определенных случаях не выживает. В «Телепорте и оригами» введение мереорганической преемственности проистекает из необходимости артикулировать разницу, которую не замечает Хавьер Идальго, когда считает, что ничто не отличает ситуацию «полета в анабиозе, где тело изменяется естественным образом посредством обновления клеток, и телепорта, который медленно сжигает и восстанавливает вас за то же самое время из новой органической материи» [9]. Собственно, разница и состоит в потере клетками тела человека, медленно сожженного и восстанов-

ленного в телепорте, того типа отношений между ними и организмом, который сохраняется в случае с полетом в анабиозе. Этим отношением является мереорганическая преемственность, и состоит она в том, что на выходе из телепорта клетки тела человека уже не являются теми же клетками, которые были в его теле, когда в нем были уже отмершие, и т.д. По крайней мере, в оригинальной формулировке мной не подразумевается, что клеточная мереорганическая преемственность является важнейшим критерием для сохранения личности (одновременно с этим явно подразумевается, что она является необходимым условием сохранения тела в актуальных нефантастических сценариях), но говорится, что её нарушение является одним из способов уничтожения личности, непосредственно связанным с уничтожением её тела.

Ввиду этого я хочу попытаться ещё раз прояснить обсуждаемый тип связи и, по возможности, не на примерах клеток, личностей и их тел, чтобы показать потенциальную значимость этой идеи в более широком контексте. На мой взгляд, наиболее очевидный контекст применения этой идеи — это вопрос тождества и его нарушения в случае обновляющихся объектов. Далее по тексту я постараюсь задействовать доводы Кочнева и Морозова, хотя и перенося их в иной контекст, чтобы лучше артикулировать сходства и отличия нашего понимания.

Мереорганическая преемственность. Представим объект, который состоит из некоторого количества частей. Допустим, он должен состоять не менее чем из трех и не более чем из четырех частей, чтобы оставаться тем же самым объектом⁶. Природа этого объекта такова, что его части постепенно обновляются — одни «отмирают», а другие заменяют их.

Мы можем визуализировать такой объект, как анимированную фигуру, состоящую в исходном состоянии из трех соприкасающихся окружностей. Крайне левая окружность постепенно уменьшается вплоть до того момента, пока не исчезнет. Справа же появляется точка, которая постепенно приобретает форму исходных окружностей. По мере возникновения и исчезновения крайних окружностей всё, что находится между ними движется влево. Сама фигура остается одной и той же, хотя в какой-то момент все её изначально наблюдаемые части сменяются.

Здесь нас интересует следующее свойство. Допустим, изначально фигура состоит из частей $n1$, $n2$, $n3$. Часть $n1$ начинает исчезать, и этот же момент справа формируется новая часть $n4$. Следовательно, в какой-то момент и на некоторый миг фигура будет состоять из частей $n2$, $n3$, $n4$; а после

из исчезающего p_2 , стабильного p_3 и p_4 , а также зарождающегося p_5 . Спустя некоторое время мы станем эту же фигуру, но состоящую уже из частей p_{68} , p_{69} , p_{70} (Рис. 1).

Нас интересует следующий факт — отдельно взятая часть p_{70} являлась частью фигуры в тот же момент, когда её частью были предшествующие части p_{69} , p_{68} и p_{67} . Аналогичное верно и для каждой другой части, кроме самой первой. Каждая часть этой фигуры была частью целого в момент, когда другой частью этого целого была более старая часть или части.

Совокупность таких фактов формирует интересное свойство — части такого целого сохраняют преемственность с частями, которые это целое некогда составляли. Эту преемственность можно обозначить так, что был момент времени t , когда отдельная часть составляла такое целое вместе с частями, которые в свою очередь составляли это целое с другими (уже «отмершими») частями, и так далее до первых мгновений существования такого составного объекта.

Данное свойство и является *мереорганической преемственностью*. Как я полагаю, оно может быть актуально не только для живых организмов, но и для обновляемых объектов в целом. Уместно также предложить дополнительный термин — *реновационную связь* или *связь обновления*, которая возникает между объектом и его обновленной версией за счет непрерывной преемственности обновляющихся частей такого объекта. Причем реновационная связь может сохраниться между объектами, которые мы по каким-то иным критериям уже не считаем тождественными. Возможно, мереорганическая преемственность и является тем последним остатком, который характеризует обновляемый объект как тот же самый, насколько радикальными не были бы его обновления. К схожей мысли подошел и Роман Кочнев [8].

Теперь же, если взглянуть на то, как мереорганическая преемственность была передана в рецепции, то мы увидим следующее: в своей первой статье Роман Кочнев связал её с «сохранением всех причинно-следственных связей в рамках организма» и проблемой дотошного воспроизведения; Константин Морозов определил её как «такого рода преемственность, которая сохраняется в каком-либо объекте в том случае, если при замене какой-то его части существуют другие части, которые входили в состав предшествующих темпоральных версий этого объекта»; во второй статье Роман Кочнев определил её «как делящуюся совокупность каузальных связей между клетками тела в разные моменты времени», а также отдельно в трёх тезисах выразил то, что он считает принципом мереорганической преемственности, который также описывается как теория выживания. Как уже было упомянуто ранее, я и Морозов склонны понимать мереорганическую преемственность как свойство обновляемого объекта (мереорганическая преемственность клеток — частный случай проявления такого свойства), тогда как Кочнев понимает её как свойство конкретно клеток (или организма) и относит к её принципам тезисы, непосредственно не составляющие само это свойство.

Теперь же о принципах, которые Кочнев связывает с обсуждаемым свойством. Первый формулируется так: «Выживание личности зависит от выживания тела». Это неверное представление, которое проистекает из невнимания к оригинально-

му контексту обсуждения мысленного эксперимента Идальго, где такой постулат действительно присутствует (см. четвертое примечание настоящего текста, где указывается, что мереорганическая преемственность необходима для идентичности тел).

Так и следующий постулат о том, что «выживание тела зависит от мереорганической преемственности» является явным усилением изначального тезиса. Если этот тезис понять так, что обсуждаемое свойство является необходимым, но не достаточным критерием выживания тела, то я бы мог даже с ним согласиться, однако, что важно, этот теоретический вывод не относится к тому, что собой представляет мереорганическая преемственность.

Последний тезис гласит, что «мереорганическая преемственность зависит от непрерывности внутренних каузальных связей между клетками тела». Я бы сказал, что это свойство составляет подобную непрерывность или реновационную связь между состояниями объекта, однако у неё есть свои степени, что мы и обсудим далее.

Реконструкция и реставрация. Как ни странно, но внимание к мереорганической преемственности имеет значение не только в рамках дискуссии о (не)выживании в телепорте. Благодаря этому свойству мы можем провести разницу между реконструкцией (воссозданием) и реставрацией объекта искусства. Возможность проводить такую разницу в обычной жизни может свидетельствовать в пользу определенной интуитивности понимания мереорганической преемственности как значимого аспекта процесса обновления одного и того же объекта.

Допустим, что некий художник в XV в. нарисовал картину и она успешно сохранилась до наших дней. За прошедшее время на ней возникли различные дефекты: часть красок отошла, потемнел лак, возникла патина и т.д. Если современный нам художник просто создаст из аналогичных художественных материалов точную до малейших деталей копию, полностью соответствующую задумке художника, то конвенционально это будет называться воссозданием или реконструкцией картины. Критерий воссоздания очень прост — получившийся арт-объект не имеет никакой материальной мереорганической преемственности с оригиналом. Иначе говоря, между оригиналом и воссозданной картиной не будет реновационной связи, хотя тождество идей, форм, художественных средств и других нематериальных аспектов картины (если признать, что они полностью независимы от аспектов материальных) сохранится.

Реставрация же, в свою очередь, предполагает сохранение реновационной связи за счет сохранения частей оригинала, которые нам видятся существенными, сверх которых в общем-то и добавляются современные (обновленные) части картины. Поскольку мереорганическая преемственность между частями может иметь ту или иную степень отдаленности, то можно заметить, что в случае реставрации мастера стараются достигнуть минимально возможной отдаленности, поскольку просто перерисовка картины поверх уже имеющейся также подразумевала бы сохранение преемственности, однако слишком отдаленной от частей, нанесенных автором. Можно сказать, что в случае с абиотическими объектами для нас имеют культурное значение первоначальные части объекта искусства, наличие которых (даже, видимо, в экстремально малом процентном соотношении) позволяет говорить, что

это тот же, но обновленный объект, а не новая или производная работа.

Так или иначе, наиболее интересным оказывается понятие производной работы. Так, можно занять ригидную позицию в отношении обновления, заявляя, что даже сохранность 0,01 % частей начального целого позволяет ему сохраниться в обновленном виде (в отношении искусства схожий взгляд можно обнаружить здесь [10, 11]⁷). Производным, соответственно, тогда будет лишь что-то, созданное по мотивам. Также можно занять *медианную позицию*, согласно которой, если обновится более 50 % частей начального целого, то мы получим не обновленный и тот же самый, а новый и производный объект. Но можно занять и *сигнификативную позицию*, предполагая, что начальное целое обладает неким значимым минимумом частей и, если они не будут его составлять, то даже при условии сохранения более 50 % начального целого вообще, мы получим новый производный объект.

Последний взгляд является наиболее смутным и, как кажется, наиболее близким к нашим интуитивным представлениям об обновлениях вещей. По крайней мере, он явно выражен в некоторых работах, исследующих цели реставрации объектов искусства, где можно даже встретить утверждения о том, что объекты искусства не «переживают» постепенной замены частей, которую «переживает» корабль Тесея [12, р. 7, 11; 13⁸; 14–16]. Ориентируясь на анализ и утверждения Рафаэля де Клерка, ригидные и медианные позиции характерны для актуальных организаций, занимающихся сохранением объектов искусства [12, р. 14]. В пользу осмысленности сигнификативной интуиции можно привести следующее соображение: если человек играет в некоторую компьютерную игру, которая получает обновления, и в какой-то момент весь игровой процесс изменится, но за счет обновления только 20 % кода, то игрок, скорее всего, посчитает эту игру другой именно на основании изменения значимого минимума того, что составляет эту игру (то бишь кода, от которого зависит геймплей).

Как бы то ни было, если реновационная связь в принципе не имеет значения, то тогда разницу между отреставрированным оригиналом и воссозданной копией работы можно объяснить только нашим произволом. Как мне видится, излагаемые Кочевым аргументы против мереорганической преемственности — это во многом аргументы против значимости реновационной связи, против значимости разницы между реконструкцией и реставрацией. В пользу этого говорит его аргумент, согласно которому реставрация тела человека из его небольшой части ничем не отличается от воссоздания его же из новых биологических материалов [7]. Дело в том, что даже если мы не считаем, что для реставрации достаточно малой части исходного объекта, то разница между производным и новым, реконструированным, объектом представляется вполне ощутимой.

Следовательно, рассуждение о «парфигианском выживании» подразумевает концептуальную цену, которая состоит в необходимости признания, что разница между воссозданием и реставрацией личности не так уж и важна. Но зачем нам её уплачивать? Более того, соглашаясь рассуждать в контексте, где между реконструкцией и реставрацией нет разницы, полагаю, было бы уместно дополнить такую позицию представлением о том, почему она важна в случае арт-объектов или, пользуясь при-

мерами в духе телепорта, покритиковать сложившуюся традицию реставрации. Иначе говоря, неясно, почему мы должны в качестве самоочевидной посылки принимать тезис о том, что реставрация и воссоздание — это одно и то же как минимум, когда дело касается личностей.

Роль идеи. Рассуждая о картине, мы можем заметить, что её задумка или идея — это также неотъемлемая часть работы. Более того, актуальная реставрация объектов искусства (и философское осмысление этого явления) зачастую происходит с оглядкой на то, что хотел выразить автор (и, например, снятие выцветшего лака обосновывается тем, что он нарушает задуманную автором палитру цветов для выражения такой-то идеи) [12, р. 5].

Так или иначе, задумку можно выразить отдельно, воссоздав работу⁹. Почему нас тогда вообще должен волновать материальный субстрат? Полагаю, что по той причине, что в некоторых областях искусства трудно игнорировать связь между задумкой и её материальной реализацией¹⁰. В ряде случаев с изобразительным искусством материальная реализация сама по себе может быть задумкой.

Не менее трудно игнорировать и то, что материя приобретает форму искусства не в согласии с идеальными повелениями автора, а в соответствии с его скромными или нескудными способностями придать ей подобную форму. Всегда разумно допустить, что какая-то часть материальной реализации творческой идеи — это то, что возникло контингентно, а не ввиду сознательного усилия автора. Уже сама мысль о существовании смысла, задумок или идей в искусстве может быть рассмотрена как удобная посылка для объяснения того, что остается от искусства, если убрать из него любой потенциально контингентный элемент материальной реализации.

Для целей текущего обсуждения допустим эту простую схему о том, что в творчестве есть идея и её реализация, хотя мне более близок взгляд, согласно которому «смысл не предшествует реализации» [2]. Проблема, связанная с этой схемой, в том, что постфактум мы не можем извлечь из головы автора полный отчет о том, что было сделано намеренно, а что стало контингентным элементом арт-объекта. Мы можем только предполагать на основании того, что видим. Поскольку авторская задумка и предположение о ней — это разные вещи, то реставрация от реконструкции отличается именно попыткой сохранить реновационную связь обновленного объекта с его оригинальным (задуманным и одновременно получившимся) состоянием¹¹. Обратите внимание, что разница между реставрацией и реконструкцией сохраняет значение даже тогда, когда мы не концентрируемся исключительно на материальной стороне вопроса.

И я не зря упомянул о контингентных частях арт-объекта, поскольку в ситуации, когда мы не можем выяснить, что с необходимостью является материальной реализацией идеи, а что только контингентным фактором, то мы сталкиваемся с тем, что реновационная связь в этом специфическом аспекте слепа к задумке или любому нематериальному аспекту объекта. В прошлой статье я говорил о проблеме дотошного воспроизведения — очевидно, что дотошность повышает степень реновационной связи, но необязательно передает необходимый, а не контингентный материальный элемент объекта. Задумка или идея для арт-объекта — это то, что можно назвать его вне-материальной частью

(что, конечно же, не значит, что она существует как-либо, кроме как в форме той или иной материальной реализации). Если такие вне-материальные части и составляют некий объект, то они, платонически взятые сами по себе, не участвуют в процессе его обновления и не изменяются вместе с ним (такой взгляд представлен в [16] и [17]). Скорее на какой-то степени обновлений эта часть может быть утеряна, если замене подвергнутся части, предположительно ответственные за реализацию задумки.

Если же перебрасывать логику сказанного на людей, то старение приводит некоторых к тому, что они теряют свой разум. Иначе говоря, их тела в 20 и 80 сохраняют реновационную связь, однако необязательно психологическое тождество. Важно, что естественных примеров сохранения психологического тождества личности без реновационной связи у нас нет. И если личность уподоблять идее в искусстве, то мы заметим, что она в конце концов даже в интересующем сторонников такой идеи психологическом или нарративном аспекте зависит от материальной реализации — и если реконструкция не воссоздает тот же самый объект искусства, то парфитианская телепортация не воссоздает ту же самую личность.

Имперсональное выживание. В своей статье Роман Кочнев упоминает идею Эрнеста Сосы об имперсональном выживании личности [18]. Такой же сюжет нам знаком и по миру искусства, где автор может умереть, но его идеи или труды будут жить в веках, переносясь из одной головы в другую. При этом мало кто настолько радикален, чтобы назвать это буквальным выживанием. Пожалуй, описанное не будет и парфитианским выживанием. Возможно, его стоит назвать сверх-парфитианским выживанием, поскольку, если обычное парфитианское выживание только предполагает выживание личности вне зависимости от её тела, то сверх-парфитианское выживание шагает дальше, предполагая выживание какого-то продукта активности личности вне зависимости от неё самой. Как ни странно, но некоторые люди, желающие оцифровать свою личность, видимо, согласны даже сверх-парфитианское выживание счесть выживанием.

Такое доведение до абсурда — это прямое развитие пафоса о том, что «всё важное для выживания не может зависеть от незначительного количества клеток» [8]. Действительно, но становится ли ситуация лучше, если «всё важное» зависит от незначительных (при должных масштабах) периодов ясной психической активности?

Поскольку Кочнев согласен с экзистенциальной окраской темы тождества личности, то я полагаю, что он не будет отрицать определенной противоречивости в самой формулировке «имперсонального выживания». Как вообще кому-то реагировать на предложение выжить имперсональным способом? Боюсь, что «имперсональное выживание» в целом звучит как эвфемизм для «персонального не-выживания». Причём это удобная оптика для манипулирования другими людьми в целях, собственно, персонального выживания. Нетрудно представить властного и достаточно оригинального агента, который может обеспечить все условия для имперсонального выживания тем, кто послужит его целям.

Кочнев говорит о разнице и интуициях, и я полагаю, что рассмотрение не личностей, а арт-объектов позволяет зафиксировать важную разницу. Одно

дело воспринимать выживание личности как реконструкцию, а другое дело — как реставрацию. На мой взгляд, выживание как реконструкция — это допустимая философская концепция, но она вообще не о том, о чем волнуются люди, не являющиеся философами, но заинтересованные в персональном выживании или в выяснении природы персональной идентичности.

Когда же мы смотрим на выживание личности как на реставрацию, то с необходимостью признаем значение отношения мереорганической преемственности, которое является необходимым, но необязательно достаточным критерием сохранения реновационной связи между объектами (или их состояниями). Действительно, если у нас останется только малая часть одного объекта (пара клеток некоего тела или нить от полотна мастера), то, воссоздав эту часть с другими (новым телом или воссозданной картиной), мы не получим целого (если мы только не сторонники того, что выше было обозначено как ригидная позиция), сохраняющего полноценную реновационную связь с изначальным объектом, хотя мереорганическая преемственность между этими объектами формально сохранится.

Проще говоря, здесь важен взгляд не только изнутри, обращающий внимание на характер отношений внутри некоего целого, но и извне, обращающий внимание на то, как вообще это целое выглядит. Я полагаю, что по отдельности ни того, ни другого взгляда недостаточно не только для понимания выживания личности, но и понимания того, почему реставрация картины — это обновление одного и того же объекта, а создание новой картины на основании малой части старой — это создание нового объекта. Примером здесь может служить «Стертый рисунок Де Кунинга» Роберта Раушенберга, который путём уменьшения реновационной связи между исходным и получившимся объектом создал производный, но отдельный арт-объект. Что интересно, получившийся объект мы можем считать производным только, по-видимому, с сигнификативной позиции, поскольку Раушенберг не столько обновил исходное целое, сколько убрал минимально значимую для исходного целого часть, оставив все остальное.

Заключая, что мереорганическая преемственность частей необходима для конституирования обновляемого целого, я, однако, заключаю, что целое конституируется не только ею. По-видимому, во многих контекстах действительно имеет смысл говорить о том, что определенные части составляют некоторый необходимый минимум, который точно не должен быть утерян. Соответственно, если этот минимум утерян, но с сохранением частей, имеющих мереорганическую преемственность с частями необходимого минимума, то, несмотря на это, реновационная связь определенным образом все равно нарушается или, лучше сказать, истощается. То или иное истощение реновационной связи между состояниями обновляемого объекта позволяет говорить о реновационной связи как в сильном смысле, когда сохраняется мереорганическая преемственность ключевого минимума частей, так и в слабом смысле, когда сохраняется хотя бы что-то, относящееся к начальному состоянию оригинального целого.

Учитывая это, можно вернуться к начальному рассуждению об авторе (личности) и персонаже (производном от его личности). Слабая реновационная связь между автором и его трудами сохраняется

ровно до тех пор, пока последние не только будут преданы забвению, но и не будут окончательно уничтожены. В этом смысле сверх-парфитианское выживание выглядит даже более реалистичным, чем парфитианское, если уточнить, что «выживает» не личность как таковая, а часть некоторого объекта, имеющая слабую реновационную связь с личностью за счет того, что этот объект относится к результатам интеллектуальной и творческой деятельности личности.

Фактически мы можем увидеть, что люди воспринимают сохранение такой связи в качестве чего-то важного, но почему именно? Не думаю, что на этот вопрос можно ответить ясно и отчётливо. Некоторую подсказку и вдохновение для этого я вижу в теме родительства, затронутой и моей апелляцией к «нерожденным», и мысленным экспериментом Кочнева, и аргументами Морозова. Возможно, артефакты, сохраняющие слабую реновационную связь с их создателем, формируют специфический расширенный фенотип, способствующий тому, что новые личности, возникающие в мире подобных артефактов, будут разделять определенные сходства с создателями таких артефактов.

Благодарности

Автор благодарен Константину Морозову и Роману Кочневу за обсуждение вопросов, связанных с содержанием данной статьи.

Примечания

¹ С моей стороны было бы лукавством делать вид, что на момент написания той статьи я широко задумывался о мереорганической преемственности в каком-либо смысле, кроме как в смысле преемственности между клетками организма, хотя сам дизайн концепта явно не предполагает ограничения исключительно этим смыслом.

² Далее я упоминаю только две статьи Романа Кочнева и статью Константина Морозова. Когда подготовка этого текста уже была на финальной стадии, то я получил возможность ознакомиться ещё и с драфтом статьи Андрея Нехаева, которая далее не рассматривается и не рассматривалась мной до завершения этого текста. Как мне видится, это создало уже для читателя интересную возможность увидеть две параллельные реакции (мою и Нехаева) на сложившуюся дискуссию. Не менее примечательно и то, что важной частью обеих статей является прояснение значения самого концепта мереорганической преемственности. Разница в характере и методах этих прояснений, полагаю, уже сама по себе показательна и заслуживает отдельного осмысления.

³ Включение этой посылки стоит прояснить, поскольку в тексте Романа Кочнева присутствует ненамеренная двусмысленность с апелляцией к родительству. С одной стороны, автор не утверждает, что родительство сводится исключительно к генетическому родительству. С другой стороны, единственный явный смысл, в котором по тексту говорится о родительстве, — это родительство в генетическом смысле. Поскольку у нас нет оснований считать, что Кочнев отрицает возможность небологического родительства, то критерий генетического родства может быть только вариантом необходимого критерия. Соответственно, тогда получится, что у нас есть зонтичная концепция родительства (в широком или обыденном смысле, как я пишу об этом в тексте) и есть её различные спецификации, как, например, биологическое родительство. Чтобы не усложнять текст дополнительными деталями и не отходить от той версии аргумента Романа, которую рассматривает Константин, я выбрал более простую формулировку этой посылки.

⁴ В литературе существует альтернативный генетическому критерий биологического родительства. Речь о гестационном критерии (то есть связанном с тем, кто именно вынашивал и рожал ребенка), в пользу предпочтительности которого приводятся моральные аргументы, связанные с отстаиванием прав суррогатных матерей [7]. То есть те, которые Кочнев считает важными в теме тождества личности, а вследствие, видимо, и родства.

⁵ Кочнев пишет, что «Кардаш также уточняет, что именно такая преемственность “обеспечивает выживание тела... являясь крайне важной частью каузальной истории”» [8]. Вероятно, смещение, о котором я говорю, станет более понятным, если привести полную версию предложения, которое цитируется: «Если идентичность тел имеет значение для выживания личности, то мереорганическая преемственность оказывается крайне важной частью каузальной истории, которая не производится в процессе телепортации, как он описан по условиям мысленного эксперимента» [4, с. 106].

⁶ Такое ограничение устанавливается только в целях простоты иллюстрации. Важным является именно наличие некоторого минимума частей, необходимых для того, чтобы целое продолжало существовать. Верхний предел частей, которое может включать в себя целое, не столь важен, однако теоретически можно предположить ситуацию, где частей слишком много, чтобы целое продолжало существовать в виде обновляющегося объекта.

⁷ Стоит заметить, что к ригидным или медианным позициям будут, по-видимому, относиться все сторонники «прямой реставрации», которая противопоставляется «пуристской» (о ней смотри в следующей сноске). Прямая реставрация предполагает, что части объекта искусства можно заменять или добавлять к ним новые в соответствии с авторской задумкой.

⁸ Поскольку в случае искусства довольно трудно понять, что именно является значимым минимумом, то на основании сигнификативной позиции можно вывести нормативную позицию, называемую в соответствующей литературе пуристской реставрацией, смысл которой в том, что реставрация не должна подразумевать добавления новых частей к имеющимся или замены имеющихся на новые. Как мы заметили ранее, прямая реставрация как нормативная позиция лучше совместима с ригидной или медианной позицией относительно онтологии обновляемых объектов.

⁹ Восстановление задумки здесь можно воспринять как аналогию пресловутого выживания сознания без тела в мысленном эксперименте Парфита.

¹⁰ Например, в музыке это игнорировать проще, поскольку записанная на бумаге нота лишь очерчивает спектр вариантов того, как именно она может быть сыграна.

¹¹ Ситуация не станет сильно лучше даже если у нас будут прямые высказывания автора о задуманном, поскольку если мы доверим ему и не воспринимает его как картезианского субъекта, отчётливо и точно знающего всё о себе, то без этих допущений у нас всё ещё будут поводы для сомнения в том, насколько он сам понимал, что именно делал. Другой нюанс состоит в том, что мы не всегда ценим искусство только из-за того, что задумал автор, а иногда и вопреки тому, что он задумал. Известный пример расхождения задуманного и оцененного — это случай Патрика Бейтмана из «Американского психопата», чей образ полюбился части зрителей в альтернативной по отношению к авторской трактовке. Интересный пример оценки контингентных факторов в искусстве был указан Константином Морозовым. И зрители, и профессиональные критики ценят «Апокалипсис сегодня» в первую очередь за монологи полковника Курца, сыгранного Марлоном Брандо. Поскольку есть информация о том, что актер не учил своих реплик, появлялся на площадке в нетрезвом виде и импровизировал, то есть вероятность, что некоторые из культовых монологов Курца — не часть задумки сценариста или режиссёра, а случайная пьяная импровизация актёра.

1. Nozick R. Fiction // *Ploughshares*. 1980. Vol. 6, № 3. P. 74–78. URL: <http://www.jstor.org/stable/40348521> (дата обращения: 28.07.2024).
2. Мерло-Понти М. Сомнения Сезанна // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост.: С. Шолохова, А. Ямпольская. Москва: Академический проект: Гаудеамус, 2014. С. 102–118. EDN: SFGEND.
3. Нозик Р. Анархия, государство и утопия // пер. с англ. Б. Пинскера; под ред. Ю. Кузнецова, А. Куряева. Москва: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
4. Кардаш А. М. Телепорт и оригами // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 102–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-102-107. EDN: LQDSOS.
5. Кочнев Р. Л. Телепорт и другие неприятности // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 106–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-106-111. EDN: EGQNVС.
6. Морозов К. Е. Украденные гаметы и мереорганическая преемственность // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 3. С. 110–117. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-110-117. EDN: ОКVBBV.
7. Gheaus A. Biological Parenthood: Gestational, Not Genetic // *Australasian Journal of Philosophy*. 2017. Vol. 96, № 2. P. 225–249. DOI: 10.1080/00048402.2017.1354389.
8. Кочнев Р. Л. Телепортация Парфита или работа над ошибками // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 4. С. 106–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-106-111. EDN: XГЕНСJ.
9. Идальго Х. Выживание при телепортации = Hidalgo J. You Survive Teletransportation / пер. с англ. А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 9, № 1. С. 97–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-97-101. EDN: RAUEJE.
10. Scott David A. Art Restoration and Its Contextualization // *Journal of Aesthetic Education*. 2017. Vol. 51, № 2. P. 82–104. DOI: 10.5406/jaesteduc.51.2.0082.
11. Wreen M. The Restoration and Reproduction of Works of Art // *Dialogue*. 1985. Vol. 24, № 1. P. 91–100. DOI: 10.1017/S001221730004600X.
12. De Clercq R. The Metaphysics of Art Restoration // *British Journal of Aesthetics*. 2013. Vol. 53, № 3. P. 261–275. DOI: 10.1093/aesthj/ayt013.
13. Sagoff M. On Restoring and Reproducing Art // *Journal of Philosophy*. 1978. Vol. 75, № 9. P. 453–470. DOI: 10.2307/2025386.
14. Wollheim R. *Art and Its Objects*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 288 p.
15. Budd M. *The Aesthetic Appreciation of Nature: Essays on the Aesthetics of Nature*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 172 p.
16. Savile A. The Rationale of Restoration // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1993. Vol. 51, № 3. P. 463–474.
17. Lamarque P. *Work and Object: Explorations in the Metaphysics of Art*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 264 p.
18. Sosa E. *Surviving Matters* // *Noûs*. 1990. Vol. 24, № 2. P. 297–322. DOI: 10.2307/2215530.

КАРДАШ Алексей Михайлович, аспирант отдела теории познания и методологии науки Института философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.
 SPIN-код: 8810-5990
 AuthorID (РИНЦ): 1145532
 ORCID: 0000-0002-9683-0601
 ResearcherID: AGN-9675-2022
 Адрес для переписки: krdwalexei@gmail.com

Для цитирования

Кардаш А. М. Обновление и мереорганическая преемственность // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 95–103. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-95-103. EDN: MYESDL.

Статья поступила в редакцию 28.12.2024 г.
 © А. М. Кардаш

RENOVATION AND MEREORGANIC CONTINUITY

The author clarifies nature of the property of merorganic continuity and demonstrates its applicability not only to the question of survival and personal identity, but also to the question of demarcation of reconstruction and restoration. The author also responds to the remarks and criticisms of Roman Kochnev and Konstantin Morozov related to the publication of his previous article.

Keywords: merorganic continuity, art, restoration, objects identity, ontology of renovation, personal identity, survival.

References

1. Nozick R. Fiction. *Ploughshares*. 1980. Vol. 6, no. 3. P. 74–78. URL: <http://www.jstor.org/stable/40348521> (accessed: 28.07.2024). (In Engl.).
2. Merleau-Ponty M. Somneniya Sezanna [Cezanne's doubts] // (Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za eye predelami. (Post)Phenomenology: a New phenomenology in France and beyond / comp.: S. Sholokhova, A. Yampolskaya. Moscow, 2014. P. 102–118. EDN: SFGEND. (In Russ.).
3. Nozick R. Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya / trans. from Engl. by B. Pinsker; ed. by Yu. Kuznetsov, A. Kuryayev. Moscow, 2008. 424 p. (In Russ.).
4. Kardash A. M. Teleport i origami [Teletransporter and Origami]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 102–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-102-107. EDN: LQDSOS. (In Russ.).
5. Kochnev R. L. Teleport i drugie nepriyatnosti [Teletransporter and Other Troubles]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 106–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-106-111. EDN: EGQNV. (In Russ.).
6. Morozov K. E. Ukradennyye gamety i mereorganicheskaya preymstvennost' [Stolen gametes and mereorganic continuity]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 106–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-106-111. EDN: OKVBBV. (In Russ.).
7. Gheaus A. Biological Parenthood: Gestational, Not Genetic. *Australasian Journal of Philosophy*. 2017. Vol. 96, no. 2. P. 225–249. DOI: 10.1080/00048402.2017.1354389. (In Engl.).
8. Kochnev R. L. Teleportatsiya Parfita ili rabota nad oshibkami [Parfitian Teleportation or Error Management]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 106–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-106-111. EDN: XGEHCJ. (In Russ.).
9. Hidalgo J. Vyzhivaniye pri teleportatsii [You Survive Teletransportation] / trans. from Engl. by A. V. Nekhaev. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 97–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-97-101. EDN: RAUEJE. (In Russ.).
10. Scott David A. Art Restoration and Its Contextualization. *Journal of Aesthetic Education*. 2017. Vol. 51, no. 2. P. 82–104. DOI: 10.5406/jaesteduc.51.2.0082.11. (In Engl.).
11. Wreen M. The Restoration and Reproduction of Works of Art. *Dialogue*. 1985. Vol. 24, no. 1. P. 91–100. DOI: 10.1017/S001221730004600X. (In Engl.).
12. De Clercq R. The Metaphysics of Art Restoration. *British Journal of Aesthetics*. 2013. Vol. 53, no. 3. P. 261–275. DOI: 10.1093/aesthj/ayt013. (In Engl.).
13. Sagoff M. On Restoring and Reproducing Art. *Journal of Philosophy*. 1978. Vol. 75, no. 9. P. 453–470. DOI: 10.2307/2025386. (In Engl.).
14. Wollheim R. Art and Its Objects. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 288 p. (In Engl.).
15. Budd M. The Aesthetic Appreciation of Nature: Essays on the Aesthetics of Nature. Oxford: Oxford University Press, 2005. 172 p. (In Engl.).
16. Savile A. The Rationale of Restoration. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1993. Vol. 51, no. 3. P. 463–474. (In Engl.).
17. Lamarque P. Work and Object: Explorations in the Metaphysics of Art. Oxford: Oxford University Press, 2010. 264 p. (In Engl.).
18. Sosa E. Surviving Matters. *Noûs*. 1990. Vol. 24, no. 2. P. 297–322. DOI: 10.2307/2215530. (In Engl.).

KARDASH Aleksey Mikhaylovich, Graduate Student of the Theory of Cognition and Methodology of Science Department, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
SPIN-code: 8810-5990
AuthorID (RSCI): 1145532
ORCID: 0000-0002-9683-0601
ResearcherID: AGN-9675-2022
Correspondence address: krdwalexexi@gmail.com

For citations

Kardash A. M. Renovation and mereorganic continuity. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 95–103. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-95-103. EDN: MYESDL.

Received December 28, 2024.
© A. M. Kardash